

И ПУСТЬ СРАЖАЮТСЯ МАЛЕНЬКИЕ ТОРЕАДОРЫ!

«Не молодые люди, а маленькие старички», — высказываете недовольство героями пьесы А. Хмелина «Друг мой, Колька!» И Патрикеева в журнале «Театральная жизнь».

«Не принижать героическое!» — предостерегает критик пьесы В. Рязова «Неравный бой» И. Лебедев в газете «Литература и жизнь».

«Мелкая достоверность вышита в этом спектакле на первый план и заслонила главное — чистоту человека.» — сокрушается по поводу постановки этой пьесы в Центральном Детском театре Л. Барулина в газете «Советская культура».

В чем же она, человеческая чистота?

— Я всю жизнь буду ненавидеть вас! — сжав кулаки, напряженная, как струна, бросает в лицо разнузданному хаму Роману хрупкая девочка Лиза в пьесе «Неравный бой».

— Снегирев, ты куда? Сбор еще не кончился.

— А ну вас, — уходит с тошнотивого «мероприятия», почему-то именуемого пионерским сбором, герой пьесы «Друг мой, Колька!» шестиклассник Снегирев.

И Колька Снегирев, и Лиза, и ее друг Слава — все они ведут один и тот же неравный бой. Он кажется неравным потому, что этим юным существам, наивным и неопытным борцам за правду, противостоят прожженные люди, уродующая детские души формальщина Лидия Михайловна, воинствующий пошляк и ханжа Роман Тимофеевич. В действительности же неравны потому, что люди с нечистой совестью не могут не проиграть этот бой, что они обречены всем строем нашей жизни. У детей в этом бою есть союзники — такие, как пионервожатый Сергей Руденко («Друг мой, Колька!»), как секретарь парткома завода другой дядя Славы Тихон Тимофеевич («Неравный бой»). С таких людей они берут пример, у таких учатся борьбе за советскую справедливость.

Вглядимся пристальнее: кто тот противник, с которым воюют ребята? Он разный в обоих произведениях, и он один. Има ему — мешанин. Он жив пока и маскируется, приобретает благопристойные линии и даже старается взять на вооружения лозунги времени и эпохи. Сущность его с предельным лаконизмом выражена Розовым в образе соседей, которая ищет свою козу. Свообразным аккомпанементом сопровождающим весь спектакль, звучит со сцены:

— Козочки моей не видите, ребята? Выха, быха, быха!

И как заключительный аккорд — торжествующее, восторженное, упорное: «Это не мою задавило, а чужую! Не мою!»

Обывательщина отвратительна своим исполняющим равнодушием ко всем и ко всему, что тежит за пределами «моей» бляшки, «моего» спокойствия. Виктор Розов и Центральный Детский театр поставивший его пьесу (режиссер А. Эфрос) с уничтожающей разоблачительной силой показали, сколь омерзительны мешанины, особенно когда они пытаются утвердить свои позиции в таком тонком деле, как любовь.

— Ты, Святослав, говорят, хотовать начал? Ну, что святое лицо делаешь? Хотовешь? — начинает «воспитательных» разговор со Славой, осмелившимся «без разрешения» похитить девушку, его дядя, розовощекий «голубяник» Роман Ханжовство, жестокосердце, неуважение к человеку — вот оно чурло мешанина, каким оно проглянуло в пьесе «Неравный бой».

Мертвящий формализм — главный враг А. Хмелина в его пьесе «Друг мой, Колька!», поставленной тем же А. Эфросом в том же Центральном Детском театре. Старшая пионервожатая Лидия Михайловна в ситком и точном исполнении А. Дмуктиной — с ее хотоющим, не пускающим вглубь взглядом, каким-то особым, специально поставленным «воспитательным»

голосом с набором штампованных «педагогических», точнее антипедагогических словечек и фраз, — такая Лидия Михайловна достойный собрат Роману Тимофеевичу. С меньшей активностью, но, пожалуй, с большим успехом она коржит души детей слабые ломаются, из них вырастают ябедники и приспосаблицы, ботее сильные вступают в борьбу.

И, пожалуй, самой большой победой драматурга и театра был коллективный просмотр спектакля группой директоров школ. Трое из гостей уже после первого действия поднялись и демонстративно покинули зал. Они усмотрели в этом спектакле наскоки на советскую школу, на авторитет учителя и не разглядели главных характеров, выработанных светлой школой и жизнью, ситных, светлых, принципиальных, не увидели плодов своего воспитания. Не узнали дела своих рук. Десятость девяносто семь директоров стоя аплодировали создателям спектакля.

Мы не знаем, досидела ли до конца его И Патрикеева, опубликованная в «Театральной жизни» статья «Маленькие тореадоры и ботыше быки». Но разностную критику спектаклей она повела с позиций тех, кто ушел из зала.

«МАЛЕНЬКИЕ ТОРЕАДОРЫ» — возьмем на вооружение этот удачный образ — храбро сражаются с «быками» мешанины и искосны. Критики Патрикеева и Барулина столь же храбро сражаются с «маленькими тореадорами».

Идет еще один неравный бой неравным потому, что юные герои вынуждены молчаливо принимать все, что говорят в их адрес недоброжелательные критики.

«Маленькие старички», находящиеся в плену «горьких, метких раздумий и жизни», — это о «Неравном бое». Спектакль, воспитывающий не «юных рыцарей идеи, продолжателей дел отцовских», но «воинствующих, едва ли не разубрежившихся в добре маленких скептиков», — это о «Друге моем Кольке».

Речь идет, как видите, не о каких-то частностях не о художественных просчетах (Патрикеева, наоборот, признает художественное достоинство пьес Розова и Хмелина). Осуждается идейная направленность этих произведений. Критиков не устраивает, как это ни парадоксально, самое ценное активностью юных, их неуступчивость эту. Но непримирность эта — следствие убежденности, высоких нравственных идеалов. Не она ли является целью и результатом коммунистического воспитания?

— Если я сейчас уступлю, я ведь потом все в жизни уступлю: могу все продать, предать. У меня уже чести не будет. Совети. Я не уступлю ни на один микрон. Не уступлю! — такова жизненная позиция Славы в схватке с обывателем дядей, оскорбившим его любимую девушку.

«И черт с ним, с отставым дядей», — дает совет юншое Патрикеева. — Можно поругаться и забыть. А можно быть великодушным и вообще не ругаться — от жгнаторности, от богатства иных интересов (!) Можно даже претерпеть и деспотизм тетя. Тогда стычки с ней станут лишь эпизодами, а никак не главной пружиной действия. И спектакль займает по-иному — шире, свободнее, чище».

Критика не смущает, что в борьбе героев с мешанинством она по существу разделяет точку зрения смотрящих на мир с позиций «житейской мудрости» — стоит ли принимать в сердце эти «меточки».

И напрасно критик упрекает драматургов в том, что герои их забыли все, «чем так была богата юность отцов». Факты говорят обратное: это критики почему-то не мыслят именно те качества «маленьких тореадоров», которые и делают их «юными рыцарями идеи, продолжателями дел отцовских»: мужество, стойкость, непримиримость.

«Называться человеком коммунистического поведения — это героическое дело, если дело это делать серьезно, а не напоказ. Тут надо противопоставить себя в первую очередь мешанинству и обывательщине. Противопоставить — значит бросить вызов, а это очень много», — писал недавно Николай Погодин, обращаясь к ударникам коммунистического труда. Мысль эта, идущая от жизни и обращенная к жизни, объясняет, почему с такой остротой и силой зазвучала сегодня в нашей литературе тема мешанинства. Воспитание коммунистического человека требует воинствующей идейности, нравственной чистоты, а следовательно, беспощадного разоблачения того, что оставил нам старый мир в сфере быта, психологии, нравственности.

Партия, народ сейчас ждут от художников исследований идейных, нравственных истоков героического в нашей жизни.

Конечно же, и Слава и Колька — «зеленые» юнцы, вступающие в жизнь, — не могут быть теми образами, примером для подражания, какими являются Павел Корчагин, Алексей Мересьев или прославленные молодоговардейцы. В задачу авторов входило показать, как мучают эти незрелые пока характеры, как жизнь постепенно вынуждает в них черты коммунистического поведения, необходимого для того, чтобы стать борцом за коммунизм.

И, в конечном счете, разве не из таких, как они, — принципиальных, убежденных, страстных, добрых душой, — и формируются современные Корчагины и Мересьевы, подлинны герои наших дней!

«Чем больше будет таких произведений, тем больше будет хороших людей», — в такой непосредственной форме выразила на одном из обсуждений свое восприятие спектаклей «Неравный бой» и «Друг мой, Колька!» школьница Юлия Филиппова. К этой оценке стоило бы прислушаться критикам.

Ф. КУЗНЕЦОВ.